

A romantic scene of a couple in a boat at sunset. The couple is seen from behind, sitting in a small boat on a body of water. The sky is a mix of orange, pink, and blue, with clouds. In the distance, there are lights reflecting on the water and a few other boats. The overall mood is peaceful and intimate.

А.В. Манин-Уралец

**Шансон в тебе
самом.
Сборник 19**

18+

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе

самом. Сборник 19

<https://litres.ru/74054258>

SelfPub; 2026

Аннотация

В сборнике 19 «Шансон в тебе самом» представлены произведения автора в стиле шансона, которыми он словно бы рекомендует его не столько для исполнения вслух, сколько для пения или же простого чтения в собственной душе, про себя. Шансон, а также вызываемые для его создания всевозможные чудные перипетии окружающего мира, требующие порой стихотворного отражения, присутствуют в сознании каждого человека, не оторванного от повседневной жизни общества и каждой его отдельной живой души. Своим «стихотворным шансоном» автор будто вступает в беседу одновременно с окружающим миром и с теми, кого представляет за чтением той же самой музыки смыслов о нашем повседневном быте и любви, которую поет и слышит он сам. Сам в себе. Оттого и название сборника - «Шансон в тебе самом». А его слоган - Тысяча и одна песня любви.

Содержание

Струятся косы	4
Не позвонит	6
За воротами	9
В скоростях	12
Исполинские холмы	14
Объяснимое	17
Соседка	19
Отзывчивость	21
Плавный круг	23
Снопы	25
Веретено	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе

самом. Сборник 19

Струятся косы

Излишек веры в кротость женщин,
Подвел тебя, как идеал,
В твоей судьбе немало трещин,
Но есть и полыньи финал...
И был, словно Атлант, накачен,
И свод небес в любви держал,
Был счастлив, но Тянь-Шань назначил
Тебе в потоке льдов финал.
Атланты и Кариатиды,
На их плечах небесный свод.
А на плечах твоей - Арктиды
Тянь-Шанских гор который год.
Оттуда рек струятся косы,
Идут через людской поток.
Мосты по ним. И шторм сбросил
С моста души живой глоток.
Мосты по ним. И шторм сбросил

С моста души живой глоток.
И тот глоток на перекатах,
Во всяких признаков судеб,
Среди булыжников горбатых,
Вдруг сделал реку, словно Зевс, -
Наполненной до ее края;
И пена заструилась в ней...
Нет, я по мифам не мытаю.
Твоей души не постигаю.
Храни секрет судьбы своей!
Излишек веры в кротость женщин,
Подвел тебя, как идеал,
В твоей судьбе немало трещин,
Но есть и полыньи финал...
И был, словно Атлант, накачен,
И свод небес в любви держал,
Был счастлив, но Тянь-Шань назначил
Тебе в потоке льдов финал.
А я держу в высотах счастья,
Атлантом, - виды на мечты.
Стоят мосты. Но и в ненастье
Они теперь почти пусты,
Они теперь почти пусты...

Не позвонит

А друг опять не позвонит,
Обижен, что увел подругу,
А друг опять не показнит,
Он просто сгинул с жизни круга
А друг опять не позвонит.
Он путь избрал далеких странствий.
А друг опять не показнит
Несправедливым спором страстным.
А друг опять не позвонит,
Обижен, что увел подругу,
А друг опять не показнит,
Он просто сгинул с жизни круга.
А друг опять не показнит,
Он просто сгинул с жизни круга.
Теперь не стоит ждать звонка,
Не стоит ждать и наказания,
Не нужно трогать, где пока
Его вина в твоём страданье.
Не беспокоить и вины
От самокритики усталой.
Казалось: змей обожжены
Укусом. Вышло – жалким жалом.
Теперь – один. И никогда –

Твои слова не повторяются.
Но, вдруг, - и Там ты, как всегда,
С судьбой пытаешься бодаться?!
Но, вдруг, - и Там ты, как всегда,
С судьбой пытаешься бодаться?!
Ты многим портил кровь любовью,
И женщин верных уводил,
Но той же вдруг ожегся болью,
И этой боли не простил.
И, если так, умерь пожары,
Хотя бы, Там, - и поделом!
Ведь здесь грозят мне жизни жалом,
Тебе же – смерти вертелом.
Но ты не корчишься от жара;
Лишь суть твоя кипит в огне.
От твоего бывшего дара –
Все, как и было. Лишь во тьме.
Но этим даром не ответишь,
Былому фетишу любви,
Не стоит больше славить фетиш –
Не беспокоить былъ вины.
Не беспокоить и вины
От самокритики усталой.
Казалось: змей обожжены
Укусом. Вышло – жалким жалом.
Теперь – один. И никогда –

Твои слова не повторяются.

Но, вдруг, - и Там ты, как всегда,

С судьбой пытаешься бодаться?!

Но, вдруг, - и Там ты, как никогда,

С судьбою хочешь разобраться?!

С судьбою разобраться...

За воротами

Кто-то взвесил остаток души,
И, в пришедшем увидев крещенного,
С дерзкой мыслью, как ангел, решил
Дать вдове в нее сильно влюбленного...
За воротами счастье иное,
И жена там чужая мила,
Друг мой добрый, будь в новом спокоен,
Нас с женою тропа не свела.
Если только однажды решишь,
Что пора дать жене друга жизни,
Может где-то и разрешишь
Быть счастливою ей в твоей тризне.
Если только однажды решишь,
Что пора дать жене друга жизни,
Может где-то и разрешишь
Быть счастливою ей в твоей тризне.
Мне ворота твои не забыть,
Дом не броский за теми воротами,
Друг веселый. И – мне не звонить
От ворот в твою жизнь с приворотами.
Частью счастья казалась та жизнь!
Где сейчас – с пересмешкой играющей –
Властный ангел, присев на карниз,

Новой жертвы ждет, передышающей.
Если только однажды решит,
Что пора дать жене друга жизни,
Может ангел и разрешит
Быть счастливою ей в твоей тризне.
Ангел, взвесив остаток души,
И, в пришедшем увидев крещенного,
С дерзкой мыслью решая, решил
Дать вдове в нее сильно влюбленного...
Да, мила мне иная жена,
Но сказал бы я ангелу ласково:
Не моя в том желанье вина,
А твоя – друга в бездну затаскивал!
Ты бы лучше еще полетал;
И - в гордыне безбрежной, безустальной -
Лучше б злого врага поискал,
Да судил его, мерзкого, в пустыни.
Или: взял бы свой меч, свой сосуд,
И, сыскав урожая ристалище, -
Совершил окаянный свой суд
Над ворон распоясанным граищем:
Где – над правдой – лжи мерзостной гам,
Где - крещеных берутся докрещивать.
Необъятные мерзость и срам -
На бездушных весах души взвешивать...
Мне ворота твои не забыть,

Дом не броский за теми воротами,
Друг веселый. И – мне не звонить
От ворот в твою жизнь с приворотами.
Частью счастья казалась та жизнь!
Где сейчас – с пересмешкой играющей –
Властный ангел, присев на карниз,
Новой жертвы ждет, передыхающей.
Кто в расчет наши стоны берет?!
Дух беспечен и в доме натопленном.
Не забыть мне беспечных ворот.
Не закрыть запоздалыми воплями!..

В скоростях

Летит без горба «Запорожец» -
Мечта: под сто уже летит!
Его непостижимой дрожи
Пока неведомы пути.
Тот пощадил нас запорожец.
Но в другой рубке за полет -
Однажды выскочил из кожи
Тот дух, что ныне уж далек...
Его теперь гамаг галактик
Качает тихо в небесах.
И дрожи нет, чтобы придать ей
Значенье жизни в скоростях.
И дрожи нет, чтобы придать ей
Значенье жизни в скоростях.
И кудри светлые, блондина –
Туманности в песчинках звезд -
Висят ажурною гардиной
Над взглядом,
Полным поздних слез.
На что ты смотришь, словно светишь?
Одна любовь в твоих глазах!
Но ты на это не ответишь:
Увяз в небесных тормозах...

Но ты на это не ответишь:

Увяз в небесных тормозах...

Исполинские холмы

Души приют в приглядном свете.
Вот - светел его лик простой;
Всеми любим; к друзьям приветлив;
В душе широк.
Вдали - верстой...
Возвышенности там приволье.
И - за забором деревца.
Здесь рыбаки, как в синем море;
Как в тихом штиле паруса.
Огромное здесь черно царство,
Где, - в неизбежности тоски, -
Не ощущается мытарства
Души твоей. Ведь как легки
Ее шуршащие полеты –
В руках весь мирозданья круг!
Ты открываешь двери взлета
Тем, кто в них постучался вдруг.
И вот ступают на ступени,
Все выше, в мир, передохнуть;
Здесь царство шумное. И двери
Ты прикрываешь. Множишь путь...
Всегда тот путь открыт для сердца,
Приемлющего мир людей,

Их царства, где открыты дверцы
Сердец... Заходит и злодей.
Без них не может быть сравнения –
В чем доброта, души рукав.
Итог всей жизни – в Откровенье.
Но до тех пор еще, пока
Есть то: чем озабочен сильно,
Что требуется в мир пустить –
Дорогой в жизни непосильной
Путь к счастью сыновьям мостить!
Но это сделано. Ты ж - в царстве,
Где исполинские холмы.
В своем же жизненном мытарстве
Грустя, мытаем память мы.
Ведь все мы тоже, все мы тоже –
Холмы и доли, и поля...
Мы жизнь всегда чуть-чуть итожим.
Хотя Бог скажет: «Это зря!
Здесь колдунов и так без счета.
И ангелов бы пожалеть!..»
О, добрая душа! Полета! –
Штурвал Небес бы – и лететь!..
Здесь колдунов и так без счета.
И ангелов бы пожалеть!..»
О, добрая душа! Полета! –
Штурвал Небес бы – и лететь!..

Штурвал Небес бы – и лететь!..

Объяснимое

Дом. Кошка. Подоконник. И пора
За варкой провести остаток суток -
Чуть-чуть покраше, чем они с утра:
Резиной тянут время... Слух – он чуток!
Пришел ли сын? А кошка, как загадка -
То будет мыслью тайной всех встречать,
То сделает хвостом: «Я в этих прятках
Со временем, простите, ни при чем!»
Что ей за дело спорить - с тем, что скачет:
Тик-такает... А где же «Кити-Кэт?..»
Всем дай еды, и сытной, - не иначе, -
И вкусной... Впрочем, здесь другой и нет.
Всем дай еды, и сытной, - не иначе, -
И вкусной... Впрочем, здесь другой и нет.
А вот и сокол ясный на пороге...
А вот соколики еще. Спешит любовь...
Кто опять в дверь? Соседи? Ради Бога,
Всех приглашаю: чистите морковь...
«Не ем моркови!» - кошка все мяучит
В своей неведомой кошачьей маяте.
Взяла бы фартук, чем мяучить, лучше,
Да подошла помощницей к плите!..
Да, ладно уж, сиди, душа, мяукай!

Я здесь одна за всех, пока могу!..

А на душе необъяснимой мукой

О пожитом. И тоже – набегу...

А на душе необъяснимой мукой

О пожитом. И тоже – набегу...

Соседка

За семьдесят, а все еще блондинка,
Соседка, дочь блондинка, крепок род...
Ее зову к себе я: «Посидим-ка»,
Не знал, что скоро небо заберет...
Рядок к рядку. Дом строится:
Заимкой, пока еще, тот строящийся дом.
А ты придешь: «Остынь хоть, посидим-ка!
Да и покурим...» В шутках ни о чем...
Соседка, лет за семьдесят. Поддержит
Разок другой затяжкой. Не форсит
Душой своей; хоть ей закат и брезжит -
Веселая, искрит, - как фeroцит!
За семьдесят, а все еще блондинка,
Соседка, дочь блондинка, крепок род...
Ее зову к себе я: «Посидим-ка»,
Не знал, что скоро небо заберет...
Чиркнешь им по осколочку гранита -
Огня, как всплеск салютов в полный залп!
А я все подставляю свою спину:
Черкай, черкай, а я пока – в подвал...
Еще не докопал сырой землицы;
Вот выстрою – покурим здесь еще!..
И искры вдруг – форсит крылами птица...

И падающей искры шепоток...

Еще не докопал сырой землицы;

Вот выстрою – покурим здесь еще!..

И искры вдруг – форсит крылами птица...

И падающей искры шепоток...

И падающей искры шепоток...

ОТЗЫВЧИВОСТЬ

Жена мне варит борщ и трет пространство.

Все трет и трет, а ты сидишь молчишь.

Как дятел я, в мозгу нет постоянства,

Хоть шум вокруг, хоть бытовая тишь.

Кольшет лес пространства, не устанет;

И ветер уж утихнет, - тот – свое:

В тиши вдруг возникают духов тайны;

Их в шелесте листвы – видать – жильё.

И в беспокойной жизни леса - чище.

Отзывчивостью дятла стук в кору:

Иной решит – себе он пищу ищет;

Другой: нет тли - порядок есть в бору.

Печатная машинка, словно дятел:

Стучит, стучит: все чистит мир большой.

Перестарается – пришлет мне лесной ангел

Того, кто все наладит, и – с душой!

О, старая «Москва», - что в заповедник,

Компас забыв, на лето забрела!

Скажи спасибо, что лесной кудесник -

Отзывчив, к твоим думам и делам!

О, жители далекого Уралья!

Земля родная дальних островов!

О, чудные озера заграалья,

В которых святость, треск земных оков!
О, человек, чей дух в лесу витает,
Проходит ветром над волной озер!
Мои труды давно Москва читает,
В том есть и твой, пусть малый, но узор!
В том есть и твой, пусть малый, но узор!

Плавный круг

Соколица с подрезанными крыльями
Сидит в светлице, в золоте стекла.
Мир виден хоть и солнечным, но былъ ее
Была гораздо краше; и светла!
Летала в поднебесьях, редко на земь
Спускалась, сделав долгий плавный круг.
Но годы шли, и, под конец опасен
Стал каждый круг, жизнь приземлилась вдруг.
Лишь то еще по сердцу лапотошенькой –
Чуть успокоит: что кругом былъе,
С небес упали также, как горошинки,
Родные души, ищут здесь жильё.
И хорошо еще, что Муська, как подруженька.
И дочь тут, внучки, зять и женихи...
Эх, вот пошли б, как встарь устали ноженьки!..
Эх, снова бы к плите, да не с руки...
А что затем? К чему пустые присказки,
Когда вся сказка где-то позади?
И мысли, как коты по Муське, рыскают;
И - как Любовь, угасшие мечты.
Но - была Вера. И она - останется
Вокруг всего, на что был брошен взор.
И ничего в душе ее не мается;

В улыбку превращен небес укор...
И ничего в душе ее не мается;
В улыбку превращен небес укор...

Снопы

В поле жница, снопы вяжет
В перевясло, да торчком:
Чтоб пшеница не обвяла,
Вскоре, - и в стога, гуртом.
Чтоб под солнцем подсушилось,
Но не долго - стог не ждет.
Все спешит, как поспешилось
Лету красному. Итог
Лета красного надеит
На богатый урожай.
Будет сладостей для деток!
Будет сладок каравай!
Будет сладостей для деток!
Будет сладок каравай!
А любовь – то не главнее
Всех хозяйственных забот.
А любовь – она вернее:
Мне и брат, и сват – мой Бог!
Про другую – не отвечу,
Та - есть столп столпов в огне:
Не сгорают мои свечи,
Богом данные, во мне!
Не сгорают мои свечи,

Богом данные, во мне!

Все хозяйства на прищепках;

На плите; где в клумбах цвет;

И в надеждах, - да не шатких! –

Заслужить Прощенья Свет!..

И в надеждах, - да не шатких! –

Заслужить Прощенья Свет!..

Заслужить Прощенья Свет!..

Веретено

Путь Екатерин столь многогранен -
Грани те прощупать не дано
Даже и Творцу. Ему не надо,
Чтоб не пряло в нем веретено.
Высекает искры этих граней -
Брызжут они, как любовный сноп.
И кто ими в сердце был поранен,
Тот избранник. И Овца, и Поп.
Все в таком святом союзе равны.
Грань другая – суета в делах...
Все сверкает этот многогранник,
Не найти концов его никак...
Все сверкает этот многогранник,
Не найти концов его никак...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.